

ОДНОФАМИЛЬЦЫ

Человек упрямо шел по полю, затянутому пороховой гарью. С каждым шагом все яростнее прорисовывалась его могучая фигура, все отчетливее лицо с крупными чертами, искаженное болью и ненавистью. Через войну солдат Иванов идет к Берлину, чтобы «поразить врага в его логове».

Создатели фильма «Падение Берлина» взяли на эту роль великолепного актера Бориса Андреева, умевшего играть и рядовых, и генералов... В этот раз надлежало дать «обобщение», воплотить несокрушимое упорство на долгом ратном пути. Умный, тонкий актер не должен был выказывать ума, тонкости, индивидуальных свойств. Это бы нарушило замысел. Лишь исполнение высшей воли, воплощенной в человеке, приказавшем дойти до «логова врага». Теперь этот человек, сдержанно улыбаясь в усы, шествовал в отутюженном мундире по гладкому аэродромному полю, как должное воспринимая восторг толпы, восторг солдата, словно бы ему в подарок взявшего Берлин. Между ними, простодушным солдатом и хитроумным Главнокомандующим, устанавливалась inferнальная, что ли, связь, которую следовало понимать как нерасторжимое единство.

Финальный апофеоз напоминал масовку, подобную тем, что происходили на праздничных демонстрациях либо в торжественных собраниях, когда все иступленно аплодировали, выкрикивали славящие слова, а улыбающийся в усы снисходительно похлопывал ладонью о ладонь, сдержанно отвечая на всеобщее преклонение.

Кинематограф участвовал в этом масовом действе с заранее предписанными правилами, с жесткой расстановкой фигур, и нужно было незаурядное мастерство Б. Андреева, чтобы сообщить признаки жизни исходно обезжизненному образу.

Олегу Ефремову выпал другой жребий, когда он играл тоже Иванова, но уже в фильме К. Симонова и А. Столпера «Живые и мертвые». Интервал между двумя кинокартинами — полтора десятилетия. За это время умер бессмертный Сталин, был расстрелян Берия, состоялся XX съезд, началась и одновременно с завершением фильма (1964 год) окончилась хрущевская «оттепель». Из событий менее грандиозных, но сейчас для нас не последних — создание О. Ефремовым театра «Современник», актеры которого пришли из мхатовского училища и гордо называли себя «детьми XX съезда».

Сочетание событий глобальных и локальных помогло О. Ефремову своим Ивановым как бы оспорить однофамильца из давнего уже фильма, снятого с откровенной претензией на эпохальность, гарантирующую долголетие.

Ефремовский Иванов прямо рубит: «На моей фамилии вся Россия держится». Слова бросает зло, задиристо, убивая малейший пафос, малейшие поползновения на символичность, олицетворение. Да, я — один из тысяч Ивановых, на коих держится Россия. Но ничей не двойник и никакая не абстракция. Моя сегодняшняя кинороль отличается от тех, какие я обычно играю в театре, сейчас я не смею позволить себе расслабленных движений, вялых жестов, интеллигентской рефлексии.

«Командир бригады приказал мне к вечеру сколотить триста человек из тех, кто вон по лесам шляется, и я их сколочу, будьте спокойны».

Сколотит. Не сомневайтесь. Но его одержимость не слепящая, это одержимость неистово ищущего командира, не полагающегося на дядю с усами или без усов. Он полагается на себя. Армейская дисциплина не отменяет необходимость напряженно думать, яростно искать. Иначе ему не собрать триста человек. Не решить боевую задачу. Хилый на вид, щуплый, он мог показаться беспомощным. Но он отнюдь не беспомощен, и каждое из трех его появлений в двухсерийной ленте рождает надежду: этот справится; не погибнет, так дойдет и до Берлина.

В самые черные дни войны, когда до Берлина долетали немногие советские бомбардировщики, ему нужно найти людей, они лягут в цепь, образуют зас-

лон и на полчаса, на час задержат врага. Он метет под метелку, не делая исключения ни для милиционеров, ни для корреспондентов.

Такие тотальные мобилизации на фронте, особенно в тяжкие дни, обычны. Но Иванов и ее проводит на свой лад, оставаясь самим собой. Раненый политрук держится на ногах и в состоянии отводить затвор. Однако Иванов отсылает его в тыл. Как больного ребенка, уговаривает он и маленького летчика не оставаться в заслоне, не брать винтовку: «Не дам, не дам, дорогой сокол... Куда ты мне и что это даст. Иди туда. От самого Слуцка пятимся, каждый день мучаемся, что вы мало летаете. Иди, летай, ради бога! Вот все, что от тебя требуется. Остальное сами сделаем».

Вот оно что — самим надо делать, самим надо думать.

Иванов не позволяет себе жить сиюминутной потребностью. Исход войны решается не только сегодня и не только здесь. Им неотступно обладают мысли о войне в целом, о людях, которые необходимы сейчас и понадобятся завтра. О самоценности человека.

Это он предлагает командующему плану помощи группировке, пробирающейся из тыла. Обстановка донельзя запутана, неизвестно — наши это солдаты или противник подготовил очередной подвох. Командующий здраво предупреждает о возможной провокации.

И тогда страстный, порывистый Иванов кричит в трубку: «Считаюсь с такой возможностью. Но если это наши пробиваются, нельзя же им не помочь. Товарищ командующий, если мы не ударим навстречу, это будет самый черный день в моей жизни!»

Война, которую представлял Иванов — Борис Андреев, отличалась от той, что вставала за Ивановым — Олегом Ефремовым. Вспоминая сейчас эти ленты, мы убеждаемся, насколько зависимо искусство от уровня общественного сознания. Но было бы постыдно отмахнуться, спесиво пренебречь оставшимся позади, вообразив, будто забывчивость когда-нибудь шла на пользу.

Борис Андреев не мог спасти фальшивое «Падение Берлина». Но он сказал о беззаветной жертвенности солдат. В ней и внутренний порыв, и воля, навязочная извне, когда спесиво пренебрегали Ивановыми, их жизнью.

Так, пренебрегая, тоже можно выиграть битву, поставить Берлин на колени. Понудить десятилетиями не вставать с колен, не подозревая, что его подневольное смирение обернется в конечном счете против родины Иванова; кровью добытая победа в мировой войне станет предвестием поражения в войне «холодной». Годы будут течь, многое переменится, но и дети, и внуки покорителя Берлина поныне не освобождены от унижительного существования. По крайней мере, некогда поверженные немцы, разогнувшись, раньше нас нащупали твердую почву под ногами.

Иванов — Олег Ефремов отлично понимает: великим терпением и смирением тоже можно многого добиться в дни войны и в дни мира. Только не победный вид будет иметь такой победитель. Лично он хотел бы быть иным и выглядеть иначе.

«...Если мы не ударим навстречу, это будет самый черный день в моей жизни». Надо бить навстречу, искать и думать. Это тоже не всегда приносит успех. Но сообщает осмысленность действиям и жизни.

Тогда один Иванов понимал другого, несмотря на все различия и преграды. И это, а не приказ сверху, позволило им победить Берлин, одинаково ненавистный тому и другому. Общность цели — вот, вероятно, в чем секрет. Если она была достижима тогда, неужели невозможна в сегодняшних поисках маршрутов, поисков от которых голова идет кругом?

Все-таки у таких, как Иванов из «Живых и мертвых», идет меньше, чем у тех, кто подобен герою «Падения Берлина» — фильма, возвеличивающего ложную мудрость.

В. КАРДИН.